

© 2010 г. М.А. Гутиева

**ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ
В УСЛОВИЯХ СПЛОШНОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ
НА РУБЕЖЕ 1920-1930-Х ГГ.: ОПЫТ И УРОКИ ИСТОРИИ**

Рассматривается одна из наиболее острых и дискуссионных проблем советской истории – проблема реализации политики сплошной коллективизации на Северном Кавказе в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Отмечается, что продиктованная комплексом политических, экономических и идеологических задач ликвидация частного сектора в деревне вызвала ожесточенное сопротивление части местных сообществ, не готовых поддержать идею огосударствления аграрного производства и разрушения традиционного уклада.

Ключевые слова: государственная аграрная политика, коллективизация, аграрная система, общественное движение, колхозное строительство, репрессивные меры.

В конце 1920-х гг. главным приоритетом внутривнутриполитического курса СССР являлась ускоренная индустриализация, которая должна была укрепить позиции страны на международной арене и обеспечить снабжение широких слоев общества промышленными товарами. Средства на приведение в жизнь намеченных решений могли быть изъяты только из сельского хозяйства, что предопределило на рубеже 1920-1930-х гг. постановку задачи сплошной коллективизации. Коллективизация, как «глубочайший революционный переворот, скачок старого качественного состояния общества в новое качественное состояние» [1, с. 291], полностью изменила систему социально-экономических отношений в деревне и сопровождалась применением широких форм насилия по отношению к крестьянству. В ходе осуществления коллективизации произошло столкновение идеи ускоренной модернизации аграрного сектора на идеологической основе и крестьянского традиционализма, который пытался активно противостоять модернизации «по-большевистски». Практика коллективизации в значительной степени определялась тео-

ретическими представлениями большевистских лидеров о методах и путях строительства социализма в Советской России. У многих членов партии, в том числе и у И.В. Сталина, было предубеждение против крестьянства как мелкобуржуазного класса. Марксистский тезис о мелкобуржуазности крестьянского хозяйственного уклада [2, с. 71], о несовместимости социализма с мелким крестьянским хозяйством был использован И.В. Сталиным для обоснования масштабных перемен в жизни села на рубеже 1920-х – 1930-х гг. Провозглашение политики сплошной коллективизации имело особое значение для республик Северного Кавказа, в которых в 1920-1930-е гг. основная часть населения была занята в сельскохозяйственном секторе. Начавшееся колхозное строительство воспринималось горцами крайне неоднозначно. Хозяйственный уклад, складывавшийся в этом регионе веками, должен был уступить место новым производственным отношениям, в которых заметно увеличивалась роль государства.

В отдельных областях северокавказского региона значительная часть образованных колхозов носила фиктивный характер, то есть крестьяне использовали колхозную форму для получения необходимых им семян, орудий, льгот и кредитов. Однако распоряжались они государственной помощью не всегда эффективно. Непродуманная раздача кредитов, неэффективное использование государственной помощи часто отталкивали единоличников от колхозов. Кроме этого, несмотря на все оказываемые льготы, колхозы распались, и их посевная площадь не только не возрастала, но и уменьшалась. Во многом этому способствовало то, что колхозы сдавали хлеб государству по нормированной цене, которая была значительно ниже рыночной [3, с. 84]. В данной связи государственная политика помощи колхозам имела двоякий характер, поскольку, предоставляя кредиты, правительство одновременно изымало излишки произведенной колхозами продукции. В ряде районов Северного Кавказа местной властью порой использовались незаконные средства для удержания крестьян в колхозах. Крестьянам, заявлявшим о нежелании находиться в коллективе, власти угрожали невыдачей обобществленных средств производства, резким повышением налогообложения и других обязательств и, в конечном итоге, раскулачиванием и высылкой. Зачастую эти угрозы осуществлялись на практике. Как известно, положение спецпереселенцев было крайне тяжелым. Спецпоселки, как правило, размещались в

необжитых, суровых местах, жилища были крайне примитивными. Естественно, спецпереселенцы пытались любыми путями вырваться из спецпоселков, многие бежали. Только с 1932 по 1940 гг. из «кулацкой ссылки» бежало 629 042 человека, а было возвращено из бегов за тот же период 235 120 человек. Для предотвращения побегов применялись суровые меры: вводилась круговая порука, в отношении задержанных применялись репрессивные меры вплоть до заключения в концлагерь и применения высшей меры наказания по постановлениям краевых и областных троек [4]. Грандиозные задачи, поставленные перед всем советским народом, по мнению представителей центральной власти, должны были быть достигнуты любой ценой, невзирая на отношения государства и общества стали строиться на основе абсолютного приоритета интересов первого. В этих условиях имевшиеся на Северном Кавказе социальные противоречия в совокупности со складывающейся новой экономической реальностью не могли не привести к открытому столкновению. Сопротивление части горцев коллективизации началось практически сразу после первых шагов местных органов власти, направленных на выполнение директив центра. Однако формы этого сопротивления различались, как с учетом региональной специфики, так и по времени.

Для начального этапа коллективизации, когда власть только делала первые попытки претворить новые формы хозяйствования в жизнь, характерно пассивное неприятие проводимой политики среди значительного числа горцев, которое довольно быстро переросло в своеобразную форму саботажа. Ответственные работники на местах проводили различные экономические махинации, направленные на развал конкретного колхозного хозяйства. Нельзя сказать, что данные действия были результативны. К тому же, они быстро привлекли к себе внимание правоохранительных органов [5]. Поскольку коллективизация оказалась весьма болезненной политикой для всей деревни, то и сопротивление этой политике в той или иной форме оказывалось всеми группами крестьянства, включая и беднейшие слои. Несомненно, что размеры, а иногда формы и методы сопротивления у различных социальных групп крестьянства не были похожими. Масштабы противодействия во многом зависели от позиции местной власти. Наиболее заметно политика государства в первой половине 1930-х гг. затронула зажиточные слои деревни, сначала в форме мероприятий по «ограничению и вытеснению эксплуататорских тен-